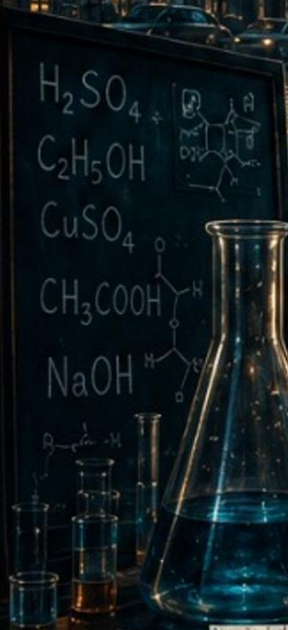

АЛЕКСАНДР СКИДАНОВСКИЙ

КАЛИНИНГРАД
KALININGRAD

ДВА АНГЕЛА НА МИЛЛИОН

Александр Скидановский

Два ангела на миллион

«Автор»

2026

Скидановский А.

Два ангела на миллион / А. Скидановский — «Автор», 2026

После случайного взрыва герой выживает, но получает то, от чего спокойная жизнь заканчивается окончательно: чужой миллион долларов. Сначала он думает, что деньги можно просто спрятать и переждать. Потом понимает: погибший владелец сумки был связан с водоканалом, а в футляре лежит не безделушка, а возможная бактериологическая угроза. И пока белый и черный ангелы спорят у него в голове, реальный мир делает ход за ходом: открытые двери, слезка, труп в багажнике и следователь, которому правда звучит как диагноз.

© Скидановский А., 2026

© Автор, 2026

Александр Скидановский

Два ангела на миллион

Два ангела на миллион

Автор: Александр Скидановский

ОТ АВТОРА — НЕ ЧАСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Дорогие читатели! Если история вам интересна, пожалуйста, добавьте книгу в библиотеку, поставьте лайк и напишите хотя бы пару строк отзыва. Для автора это не формальность: по таким откликам я понимаю, что история цепляет, что героям верят и что стоит писать дальше. К тому же площадки смотрят на библиотеки, лайки и отзывы: без этого произведение не получает шанса на коммерческий статус и не начинает приносить автору деньги. Даже короткое «жду продолжения» очень помогает.

«Некоторые люди настолько бедны, что у них есть только деньги».

Сенека

Глава 1. Ангелы на плечах

Привет, я это тот, кто только что шепнул тебе в правое ухо, что да, деньги не главное. Я белый ангел. Я всегда с тобой. Я сижу на твоём правом плече. Слушай меня, и совесть твоя будет чиста и спокойна. А без этого нет счастья.

Привет, а я тот, кто сказал тебе, что все это чушь. И без денег счастливым стать невозможно, это проверено миллион миллионов раз. Я это тот, кто говорит правду. Я черный ангел. Я тоже всегда с тобой. И сижу на левом плече. Слушайся меня, и ты будешь счастливым здесь и сейчас.

А я это человек, который лежит в кровати и листает ленту в телефоне. Вот наткнулся на цитату Сенеки и задумался. Это выходит, уже две тысячи лет назад люди сомневались в силе денег. И, конечно, эти двое, что как бы сидят на моих плечах, сразу стали мне нашептывать свои басни.

Я вам сам нашепчу столько... Болтать языком все могут. Лучше бы взяли и реально мне помогли, деньгами теми же, например. Слышите, нет? Эй, вы двое. Но так называемые ангелы молчали.

Вы, конечно, сейчас подумаете, что звуковые глюки, которые слышит этот, видимо, обычный шизофреник, самое обычное дело. Но в том-то и дело, что это не совсем голоса. Это как бы я внутренний свой голос сам от нечего делать делю на две части. Каждый ведь из нас сам знает, что хорошо, а что нет. Вот один раз попробовал и как-то втянулся. Как спорный вопрос появляется, так в голове сразу и начинается борьба этих двух черно-белых советчиков. Так сказать, для удобства принятия моего решения.

И я этой ерундой забиваю себе голову в то время, когда надо встать и собраться на работу. Хотя, кстати, можно и не идти, так как у меня уроки сегодня во второй смене. Я, если что, в школе работаю. Я химик. Человек из кабинета, где висит таблица Менделеева. Обычно химик в школе — это химичка. Ну, в смысле женщина. У меня, например, в школе вела химию женщина. Маленькая такая, как молекула. Мы ее так и звали: «Молекула». А меня дети в школе зовут просто: «Вон химик идет». Или: «Алексан Владимыч». А администрация исключительно по фамилии. Например: «Коллеги, а где наш химик, где Скидановский? Почему его на педсовете опять нет? Ну конечно, он же у нас особенный».

Но помочь коллегам-учителям сейчас сходить можно. Там у них крупное общешкольное мероприятие с утра, и они там все носятся как ужаленные. А эти два типчика, что якобы сидят на моих плечах, как два попугая у пирата, никак не могут договориться и тянут меня постоянно в разные стороны.

Один из них, Белый, говорит, ты все равно будешь переживать и лучше уж встать и пойти в школу. А второй, который черный, подкакивает: давай, иди, иди. Там и так на тебе ездят кто и как хочет. А в ответ что — напомнить? Ни денег, ни благодарности.

Все же не удержался я и встал. Решил так: пойду, но пойду медленно. И там тоже не буду инициативу проявлять. Детей надо помочь организовать и расставить — хорошо. Только сначала пойду аппаратуру помогу вынести. Меня там раньше попросили. И не спеша взял колоночку в руки и понес. Принес, поставил и за второй потопал.

А зауч-организатор, смотря на меня, лопаётся от злости. Еще в столовой столы не сдвинуты, стулья полукругом не расставлены, а он еле ходит... Это я так мечтаю-воображаю в голове, а сам быстреньким шагом спешу на остановку. Знаю, что все равно сейчас приеду и буду там носиться как угорелый.

Глава 2. Дорога в школу

На машине я стараюсь в такие дни в школу не ездить. Такие дни — это значит дни, когда там проводятся мероприятия. Они, в смысле администрация наша школьная, мероприятия там напридумывают, отчитаются где надо, а мы расхлебывай. Приедешь на машине, и кроме таскания и развешивания чего-то, тебя еще и упрелят все равно откуда-то что-то привезти. А за бензин в зарплату включим, вам говорят. И, конечно, ничего не включают.

Автобус подошел почти сразу, и я с другими стоящими на остановке втиснулся в салон. Ехать недолго, пять остановок, так что толкучку потерпеть можно. Только вот кондуктор в этом автобусе больно уж упитанная. И такая активная: вперед-назад, вперед-назад. То в спину меня пихнет, то в живот, и голос такой неприятный, орет прямо в ухо: «За проезд, за проезд». Нет, нельзя, чтобы твой день начинался, слушая вот такой вот голос.

Опять пролезла, еще и на ногу мне наступила. Хорошо, вскользь, и все равно больно. Как она тут, ползая весь день, не хуеет? Если бы я неделю работал в таких условиях, то превратился бы в человека-блин. А тут еще дядя какой-то повернулся, встал рядом и таким перегаром дыхнул, что дышать стало совсем невозможно. Я еле дождался, когда откроются двери и в конце концов вывалился оттуда на две остановки раньше.

Фух, как хорошо на улице. Одышавшись и расправивши свои плечи и конечности от толчеи, я бодренько потопал пешком. Путь пролегал по тротуару мимо проезжавших потоком машин. Все равно полезнее этот выхлоп нюхать, чем дышать выхлопом того дяди. Сложно даже мне, химику, представить, что он пил. Денатурат какой-то.

Два квартала прошли за пять минут и незаметно взбодрили, и даже как-то настроение подняли. Эти двое на моих плечах, конечно, поспорили немного, что можно и опоздать, и в автобусе не потерпеть, они вечно чем-то недовольны. Я на них внимания не обращаю. Все, почти пришел. Моя школа на той стороне дороги. Определить в городе, что где-то рядом находится школа очень просто, кругом бегают и кричат дети. А еще везде стоят знаки, где тоже нарисованы дети. Ну и конечно все ровные поверхности окружающих школу стен, изрисованы этими же детьми. Подходя к своему школьному району я начинаю здороваться. Каждый второй встреченный человек детского возраста говорит тебе здравствуй, и почему-то удивленно смотрит на тебя. Дети всегда удивляются когда видят учителя вне школы. Как будто мы особые существа, которые обитают исключительно в ее стенах. И на улицу не выходят. Нет, по улицам мы тоже ходим. И как говорит директор на каждом педсовете — коллеги, не забываем что вне школы на вас внимательно смотрят. И родители и дети. И вы должны быть образцом поведения человека на улице. Что это значит? Это значит что пиво я покупаю черт знает где, а не в соседнем магазине. Причем некоторые учащиеся умудряются покупать пиво в нем, а мне вот нельзя. Но вот правила дорожного движения, я согласен, мы все соблюдаем железно. Переходить дорогу только в положенном месте. Я подошел к нарисованной на дороге зебре. Какой-то умник поставил машину на обочине прямо там, где пешеходный переход. Остановившись

рядом со знаком осторожно дети, я посмотрел вначале налево, потом направо. Близко машин не было, и я вместе с каким-то мужичком стал переходить дорогу.

Улица была неширокая, в две полосы, из немецкой брусчатки, с нарисованными прямо на ней белыми полосками. Полоски уже давно постирались наполовину. На граните краска никогда долго не держится. Даже полимерная. И все равно дорожники рисуют. Мужичок торопливо шел рядом и почему-то осматривался. Потерялся, что ли. Я тоже посмотрел в ту сторону, куда и он, и вдруг увидел дорогу с этими потертыми полосками перехода сначала сверху, потом как-то сбоку, а потом вместо дороги — небо. И облака. Потом небо погасло.

Глава 3. Белый потолок

Когда я открыл глаза, то уже вместо неба увидел над собой потолок. Потолок белый и незнакомый. Скосил глаза вначале вправо, затем влево. И там, и там кровати с голубыми простынями. На кроватях лежат и сидят люди в полосатых пижамах. Я лежал, видимо, в больничной палате. Не видно, а точно. Это больница. Только тут такой запах лекарств, пота и еще чего-то неприятного. Тот ангел, что слева, который черный, сказал: «Ну все, допрыгались. Говорил же, говорил: сиди дома. Нет, послушал этого белого дурака и поперся, вот и результат». Белый помалкивает, потому что правду говорит черный. Сидел бы дома — не был бы в больнице.

А глазами я кошу, потому что голова не поворачивается. Голова перемотана так, что как в скафандре. А руки, ноги что? Так. Руки поднимаются и опускаются вроде, пальцы тоже двигаются. Даже дулю зачем-то получилось свернуть. И на правой руке, и на левой. Левая нога тоже согнулась. А вот правая... Аяй, нет, правая не согнулась, и даже напрячь ее оказалось больно. И даже очень больно.

Я потрогал аккуратно пальцами ногу и нащупал что-то твердое. Гипс, наверное, догадался я. Так, а еще какие сюрпризы интересно у меня? Проверить наличие внутренних органов на ощупь оказалось невозможным. Живот и остальные части были на месте и не перебинтованы. А вот что там поглубже внутри у меня — не знаю. Я прислушался к себе — вроде все нормально. Хотя вот что-то защипало в боку. Но от этого, надеюсь, не умру.

Итак, что же произошло? Надо собраться с мыслями. Я в больнице, а у меня там шведы Кемь взяли, боярин, отправляя меня обратно... Ага, если я и шутить, и фильмы любимые помню, значит, с головой все ок. Это неплохо. Плохо только то, что вокруг подозрительно тихо. Так тихо, как будто ночь и все спят. А сейчас день, и сосед вот, например, не спит. Сосед мой справа сейчас встал и куда-то пошел, хромой и в пижаме этой полосатой. И все абсолютно без звука.

Тут у меня пробежал холодок по спине. Я не слышу. Я оглох. Елки-моталки. Тут и черный застонал: «Ну все, инвалид. Мои поздравления, говорил дураку». Я ему сказал, чтобы он заткнулся. Значит, я оглох. Это плохо. Уши-то хоть целые? Поднял руки из-под одеяла вверх, но проверить уши оказалось невозможно. Ни слева, ни справа. Потому что вместо них я нащупал плотно намотанную марлю на своей голове.

Может, из-за этого и не слышу, обрадованно подумал я. Наверное, вон какой слой наматывали. А зачем, кстати, столько наматывать? Перебинтовали как чемодан скотчем в аэропорту. Может, у меня голова треснула, и они ее так скрепили? Да ну. Голова не болит, а если б треснула, то болела б наверняка.

Только я это подумал, и в голову будто ударила молния. Ого-го, как больно. Я даже рукой закрыл лицо. Через пару секунд острая боль вроде отступила. Я убрал руку и увидел над собой чье-то лицо. Лицо улыбалось и что-то спрашивало. Не просто говорило, а спрашивало, судя по выражению, кивкам головы и прочей мимике. Любопытное лицо принадлежало, видимо, доктору, и доктору симпатичному. Вернее, докторше.

Глава 4. Доктор с блокнотом

Она мне улыбалась. Когда тебе человек улыбается, не улыбнуться в ответ о-о-очень тяжело, даже если ты лежишь в больничной палате и у тебя только что жутко болела голова. Я подумал: слышать тебя не слышу, а говорить-то могу, и сказал: «Здравствуйте. Я в больнице? Что случилось?»

Симпатичное лицо кивнуло, достало из нагрудного кармана халата блокнот и начало быстро писать. Пока она писала, я задал еще вопрос: «Меня что, сбила машина?» Она, не отрывая взгляда от блокнота, отрицательно покачала головой и продолжала писать. Интересно, подумал я, что же со мной случилось, но вслух спросил другое: «Почему я ничего не слышу? Я что, оглох?»

В этот раз она подняла глаза и посмотрела на меня, и тоже отрицательно покачала головой, что, конечно же, мне понравилось. Наконец она дописала, подняла блокнот на уровень моих глаз. Я прочитал. Написано было аккуратным, почти ученическим почерком:

«Рядом с вами взорвался газовый баллон в автомобиле. У вас небольшие повреждения барабанных перепонок, но со слухом у вас все в порядке. Уши закрыты берушами, поэтому вы ничего не слышите. На ноге гипс, но перелома нет, только трещина. И вообще, вы у нас надолго не задержитесь. Не переживайте».

Прочитанное, понятно, меня успокоило и даже обрадовало. И, конечно же, очнулся белый ангел. Очнулся и заговорил: «Видишь, все хорошо. Ты живой и почти здоровый. Тебе повезло». То, что мне повезло, было и так видно по моему лицу. Я прочитав заулыбался опять и сказал: «Спасибо, доктор». Она тоже улыбнулась и написала на странице: «Мы не знаем, как позвонить вашим родственникам. Продиктуйте, пожалуйста, номер телефона. Ваш телефон, к сожалению, разбился полностью».

Так, подумал я, это проблема. Родственники у меня, конечно, есть: сестра, мама, двоюродные братья где-то под Челябинском. Но телефоны наизусть я ни у кого не помнил. Что ей сказать? Тут подал голос белый ангел: «А я говорил тебе, что без семьи, без жены ты пропадешь. Ты никому не нужен. Воды стакан в старости кто принесет?» Я, не обращая внимания на его нытье, усиленно соображал. А, придумал! И, стараясь выговаривать почетче слова, сказал: «Позвоните, пожалуйста, мне на работу. Я работаю в школе, там они сообразят, как сообщить моим». И продиктовал номер школы.

Докторша еще раз мило улыбнулась, махнула мне рукой и перейдя на другую сторону палаты, подошла к другому больному.

Глава 5. Палата на шестерых

Через несколько дней с меня сняли повязку. Я перестал быть похож на водолаза в скафандре, а стал похож на обычного человека с ногой в гипсе. Таких как я в нашей палате лежало целых шесть человек, и у всех как на подбор были повреждены почему-то только нижние конечности. У троих были переломы, у одного — воспаление тазобедренного сустава, у дядьки, что лежал рядом со мной, что-то было с пяткой: трещина или еще что-то. Ну и шестой — я, тоже с трещиной в бедренной кости.

Из-за специфики повреждений мы все в основном находились в палате. Довольно быстро, если не сдружились, то стали приятелями. Мужики попались прям как на подбор: адекватные и веселые. Они мне, кстати, рассказали первыми, что же со мной случилось.

Оказывается, автомобиль, припаркованный на обочине, был переделан, видимо, каким-то самодельным умельцем под газовое оборудование. И надо же было именно в тот момент, когда я, вернее мы, переходили дорогу рядом с машиной, что-то там, видимо, подзамкнуло, и машина взорвалась. А самое ужасное, что тот мужичок, который шел рядом со мной, погиб. И погиб там, на месте.

Все это соседи по палате знали из новостей, которые показывали по телевидению. Это, говорят, даже вызвало дискуссию о запрете использования газовых баллонов, потому что пешеходный переход этот находился рядом со школой. И что было бы, если бы дорогу переходили

дети? И, конечно, это известие вызвало еще какую дискуссию на моих плечах, да прямо мне в уши. Спорили они до самой ночи и так и не убедили меня: везунчик я или дурак.

Пролежал я почти две недели. Два раза меня навещали коллеги со школы, и один раз даже пришли дети. Те, с которыми у меня, я бы сказал, прям самые хорошие отношения: Петров Игорь из шестого класса, две девочки, его одноклассницы, и наш олимпиадник по химии Игорь Романчев.

Петров, оказывается, был рядом в тот момент и один из первых подошел, вернее подбежал посмотреть, что же случилось. «Я вас, — говорил он мне, — сразу узнал. Вы лежите на спине, руки в стороны и не дышите. И глаза закрыты. А на вас еще сумка ваша лежит. Я ее взял и под голову вам подложил. Чтобы она вам дышать не мешала. А голова должна быть поднята. Нас на уроках по ОБЖ учили. А тот второй дядька, он весь в крови сзади вас лежал. Я на него старался не смотреть. Его потом накрыли чем-то и увезли. Ну тут люди набежали, а я говорю: это наш учитель со школы. Потом скорая приехала, вас загрузили и увезли».

Так что в школе и без обращения из больницы сразу знали, что со мной случилось несчастье. Сестра с мамой собирались приехать ежедневно, но я им запретил. Не, говорю, ничего не надо, хоть выплюсь. Ну, в любом случае Наташка, моя сестра, раз в два дня регулярно посещала меня. Даже если я спал, просто оставляла пакет с продуктами на тумбочке, расспрашивала соседей, как я, и тихонько уходила.

Глава 6. Выписка

К началу второй недели, лечащий врач и та самая симпатичная доктор, с которой я общался с помощью блокнота, обрадовали меня, что завтра меня выписывают. Выписывают из больницы обычно утром. Сестра Наташка приехала за мной к девяти и прождала меня аж до самого обеда, так как вещи больных были сгружены в камере хранения, а она была закрыта.

Камера эта, представлявшая на самом деле небольшой чуланчик, была заперта. Ключ от неё оказался у ночной медсестры, которая почему-то унесла его с собой и на звонки не отвечала, так как спала. Проснулась она только к обеду, тогда же и вещи мне отдали.

Почему я так подробно рассказываю про это, вы сейчас поймете. Ходили мы там по больнице в халатах с полосками, а те вещи, в которых нас привезли, — нас, я имею в виду больных, — они хранились запакованные в обычные черные пакеты, на которых были написаны фамилия больного и дата, когда его привезли. Это мне объяснила дежурная медсестра, когда наконец-то открыла этот самый чулан-камеру.

«Ищите свой пакет, там написана ваша фамилия. Переодеться можно здесь». Переодеться, в принципе, мне привезла сестра, я уже был переодет. Но пакет замотанный скотчем и неожиданно большого размера с надписью «Скидановский А. 26. 09. 2024» я, не раскрывая, взял и поспешил вниз. Там меня внизу уже давно, считай с самого утра, заждалась сидя в машине Наташка.

Через час я уже был дома, в своей квартире, наслаждался покоем, уютной домашней обстановкой. Какой все-таки приятный запах дома. Сестра убралась, мама что-то напекла, судя по запахам из духовки. Они решили меня не тревожить, оставили одного.

Глава 7. Чужая сумка

Пакет, который привез из больницы, лежал в прихожей. Я вспомнил про него только вечером. Думаю, надо ж в стирку вещи бросить, и вообще, что-то он больно тяжелый. А вдруг я чужие вещи взял? Я раскрыл его, разрезав ножницами перемотанный скотч. Ну так и есть, увидел, что да, помимо моей одежды и ботинок, там лежала довольно увесистая кожаная мужская сумка. У меня такая когда-то была. С ремнем, и тоже черного цвета. Но эта сумка явно не моя.

Вот, думаю идиоты. Все ж таки перепутали что-то, чужие вещи не туда положили. Придется назад как-то везти. Или позвонить в больницу? А может быть, там документы или еще что-то есть. Свои вещи я отнес и бросил в стиралку, сумку положил на стол. Весит ничего так однако. Да, точно такая же у меня когда-то была. Дороговастенькая, кстати, натуральная

кожа. Я попытался раскрыть замок и не смог. На конце собачки, на металлической петле, еще замочек дополнительный болтался. Под ключик. Смешное препятствие, конечно. Отверткой разогнул скобочку, где висел этот замочек, открыл сумку и, как в фильмах показывают, застыл. Потому что я увидел, что сумка буквально забита денежными пачками. Просто битком, пачка на пачке. Причем пачки эти были с долларами, со стодолларовыми купюрами.

Состояние мое, конечно, описать было непросто. Откуда? Почему с моими вещами оказалась эта сумка? Такая огромная сумма, здесь, наверное, миллионы. Почему их никто не ищет? Я опустил на стул, не отрывая взгляда от денег, чтобы хоть как-то собрать мысли в кучу. А может быть, это из банка приколов?

Я взял одну пачку, подержал на ощупь, понюхал. Какой запах. Ни с чем не сравнимый запах денежной краски. Купюры, блин, еще новые, хрустящие. Как проверить, настоящие или нет, точно я не знал. Работа учителем не предполагает знакомства со стодолларовыми купюрами. Но деньги были очень похожи на настоящие: какие-то цветные ворсинки на них и полосочка эта. И тут я вспомнил про интернет. Вернее, не я, а эти двое. что на моих плечах. Они вначале, видимо, тоже были в ступоре от увиденных денег. А потом вместе заорали: «Прочитай, как проверить в интернете».

Интернет мне бегом в помощь. Через десять минут я убедился, что все девять признаков, про которые было написано в интернете, соответствуют тому, что деньги в сумке были настоящими. После этого я пересчитал пачки. Ровно сто, и в каждой по сто бумажек. Десять тысяч в пачке. Получился один миллион долларов.

Позвонить посоветоваться мне было некому. Сестре? Напугаю только. Я порылся еще в сумке и вытащил оттуда небольшой футляр, похожий на коробочку с инструментами. Раскрыл: внутри была мягкая, типа бархатная, обивка и три как бы выдавленных места. В одном лежала пластиковая бутылочка с какой-то мутной жидкостью, два других были пусты.

На внутренней крышке была приклеена бумага, на которой было написано: «Время растворения при температуре Цельсия +8... +10 — 30 суток;

при температуре +15 — 500 часов; при температуре +60 — 02: 00». Что это обозначало, было непонятно.

Я закрыл футляр и опять вернулся к пачкам. Деньги из сумки я вытащил, и пока считал, сложил их аккуратным квадратиком на столе. Получился такой немаленький куб. Первым желанием было даже сфотографировать на фоне его. И тут, конечно, два моих черно-белых приятеля заверещали в два голоса.

Громче был тот, что сидел на левом плече: «Судьба дала тебе шанс. Дается, запомни, он всегда один раз. Радуйся: твоя жизнь наконец-то поменяется. И поменяется не как ты привык, а в лучшую сторону». Белый торопливо вторил: «Нет, это не шанс. Это просто не твои деньги, и тебе счастья они не принесут. Ты должен отнести их в полицию и забыть про это».

Как? Как можно своими руками и ногами это сделать: взять и отдать все — и будущий дом, и семью с детьми, и здоровье на старости? - это черный выговаривал белому. Они кричали так громко, что я подумал: а вдруг это галлюцинация? Бывает же. Головой ведь стукнулся. Денег нет никаких, а они мне кажутся. И на ощупь, и на запах. Надо проверить как-то. Щипать себя я не стал. Я воспользовался чудесами науки. Сделал фото этого квадрата из денег и отправил сестре. Без подписи. Через минуту пикнул ответ. Смайлик веселый и подпись: «Что, мечтаешь? Да, было бы неплохо. Кстати, штора на фото как у тебя в квартире, заметил?»

Ага. Наташка подумала, что я фотку с инета скачал и прислал ей как приколы. Ладно, главное, деньги есть и это не глюк. «Конечно, не глюк, — подал голос черный с левого плеча. — Глюк — это австрийский композитор. А это твоя будущая счастливая жизнь. И не только твоя, кстати. О матери и сестре подумай. Вон как с тобой носились». Белый тоже подал голос: «Вот именно, подумай о матери и сестре. Каково им будет узнать, что ты сидишь в тюрьме или

тебя застрелили где-то. А это точно будет так, такие деньги бесследно не теряются. У них есть хозяин. Неси скорее в полицию и живи спокойно и долго».

Глава 8. Кирилл Петрович Варнаков

Я задумался. Действительно. Деньги у меня в пакете лежат уже почти две недели. И тишина. Вариант один. Хозяина денег или нет или он умер, или... Стоп. Стоп. Умер тот же мужичок, что дорогу со мной переходил, он же умер сразу. Это его сумка. Точно она висела у него, я прям вспомнил отчетливо. А потом Петров, этот с шестого класса, говорил мне в больнице, что сумку мне под голову положил. С ней меня на скорой и отвезли. Вот и понятно, откуда деньги. Непонятно только, что теперь делать.

В полицию идти, вот что делать. Это, конечно, заговорил тот, белый, что на правом плече сидит. «Это деньги человека, который погиб. Может, там из-за этих денег его семья дополнительно страдает. И он сам, и все сбережения, все у них враз пропало. А тут ты, считай, так их обрадуешь».

«Кого их? — не выдержал черный с левого плеча. — Есть там семья, нету. Давно уже бы перевернули и докопались до больницы и до денег эти родственники мифические. Мужик две недели на небесах, о деньгах никто ни слуху ни духу. Это тебе подарок, значит».

В этот раз я слушал их внимательно. В общем, правду говорят оба. Могло быть и так, что люди не догадались, что скорая случайно увезла с другим пострадавшим эту сумку. Хотя нет. Таких идиотов родственников не бывает. А если бывают, то деньги им не помогут стать умнее. Надо узнать про этого мужика: кто он, откуда, почему с собой такую сумму нес. Может, он инкассатор какой? Да нет, инкассация так проходить не может. Пешком через дорогу и, главное, без последующих поисков. Значит, надо узнать все про этого человека. А как? Он в могиле уже давно.

Я задумался: где и как узнать данные погибшего? И хлопнул себя по голове. Как, как — на могилах же указано, кто там лежит. Надо найти могилу. В этих вопросах с могилами я правда не очень был незнаком. Зато с этим был знаком интернет, и, вооружившись им, я через полчаса знал, что у нас в городе два действующих кладбища. На кладбищах есть секторы погребения. И они увеличиваются по мере, так сказать, заполнения. Короче, все свежие могилы в одном месте примерно. Надо ехать на кладбище. И я на следующее же утро поехал.

Места захоронения всегда расположены подальше от города. Но тут город придвинулся совсем близко. Новые дома строились чуть ли не сразу за поворотом. Я поставил машину около часовенки. Вход на кладбище был через кованые темные ворота. Слева все было заставлено цветами и венками. И здесь тоже торговля. Потом начинаются пространства, где лежат венки, летают вороны и тишина. Не переносу эти скорбные места. Никогда здесь не был. И не хочу, конечно. Но придется. Тут с плеча подали голос оба ангела одновременно: «Обязательно придется. А вот как скоро — это зависит от того, кого из нас ты слушать будешь». Я не хотел с ними спорить, ла еще и в таком месте. Огляделся вокруг и пошел по центральной дороге в самый конец кладбища. Был день, будни, и людей почти не было видно. Кроме людей, слава богу, тоже никого.

Прошагал почти километр, а оно все не заканчивается. Целый город мертвых. И я действительно когда-то здесь буду. Мысли, конечно, невеселые тут приходят в голову. Вот наконец и последние холмики с крестами и венками. Это свежие, еще ни одного памятника нет. Я прошелся, вчитываясь в имена людей, указанных на одинаковых деревянных крестах. Чуть выше имен были фотографии. Еще недавно эти люди жили и улыбались. Да... Стоп. Могила с двумя скромными венками. На кресте фото мужчины немолодого, но и не старого. А вот же и даты. Дата смерти — это дата моего попадания в больницу. И на фото я его узнал. Да, это он. Мужичок, что переходил со мной дорогу и все оглядывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.